

При этом может возникнуть другое предложение: а давайте всем воинским захоронениям придадим статус историко-культурных ценностей. Тем самым, всех уравнием. Этого, к сожалению, сделать невозможно! Во-первых, они не соответствуют критериям, предъявляемым к историко-культурным ценностям, о чём уже говорилось выше. Во-вторых, это очень дорого, и тратить исключительно ради звучного статуса большие средства нет необходимости.

Не будет ли лишение статуса историко-культурной ценности проявлением неуважения к Воинам-Освободителям и понижением статуса захоронений? При условии внесения изменений в действующее законодательство никакого понижения статуса не будет. Для этого достаточно в ст. 66 Кодекса Республики Беларусь о культуре добавить отдельный пункт, «2.4. воінскія пахаванні і гісторыка-мемарыяльныя месцы пахаванняў». Тем самым, все воинские захоронения и историко-мемориальные места погребений (или только воинские захоронения) юридически будут считаться «культурными ценностями» Республики Беларусь. То есть будут иметь одинаковый статус с историко-культурными ценностями, предметами музейного, библиотечного и архивного фонда. Это будет подчеркивать их значимость и особый статус для нашей культуры и истории.

Тем самым, в настоящее время в вопросах сохранения памятников истории, связанных с Великой Отечественной войной, и воинских захоронений имеются некоторые сложности, что обусловлено запутанностью действующего законодательства. Однако, путём внесения некоторых изменений можно существенно упростить ситуацию, чётко определив высокий статус этого вида объектов наследия и сэкономив значительные средства на местах.

Брижицкая С.А.

МОГИЛА И МУЗЕЙ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО В КАНЕВЕ В 1941–1944 гг.: ГУМАНИТАРНЫЙ АСПЕКТ

18 июня 1939 г. на Чернечей (теперь Тарасовой горе) в Каневе были торжественно открыты памятник на могиле Тараса Шевченко (скульптор М. Манизер, архитектор Е. Левинсон) и здание музея Тараса Шевченко (архитектор В. Кричевский). Это знаменательное событие было приурочено к 125-летию со дня рождения Кобзаря.

9 июня 1939 г. правительственная комиссия разрешила открыть экспозицию музея. Экспонаты раскрывали жизненный и творческий путь Тараса Шевченко, чествование его памяти народами СССР, популяризацию его наследия в культуре и искусстве. Тогдашний директор музея Шевченко В.А. Коваленко вспоминал, как в январе 1938 г. по решению ЦК КП Украины и Совета Министров была создана комиссия по написанию тематико-экспозиционного плана музея Шевченко. Комиссия давала творческие заказы художникам Украины, Москвы, Ленинграда на создание кар-

тин, связанных с жизнью и творчеством Т.Г. Шевченко, привлекала лучших художников-копиистов, которые работали в Харьковской картинной галерее для написания копий художественных произведений Шевченко. Огромный труд был вложен работниками Киевских художественных мастерских в изготовление десятков тематических гобеленов и ваз. Неоценённая помощь была представлена при создании экспозиции музея Академией наук УССР, Институтом им. Т.Г. Шевченко АН УССР, Союзами писателей, композиторов УССР, театрами, которые передали в дар музею не одну тысячу книг, журналов, изданных до октября 1917 г., фотокопии произведений Шевченко, разных документов, связанных с жизнью и деятельностью поэта. В экспозиции было представлено более трёх тысяч экспонатов [8]. «Музей выглядит, как столичное художественное заведение», – так, оценил экспозицию Г. Линчевский, искусствовед, журналист 22 июня 1941 г. [15, с. 27]. В этот воскресный день в музее было около 200 посетителей. Евдокия Стецюк, работавшая тогда в музее экскурсоводом, вспоминала (перевод на русский язык. – С.Б.): «В первый день войны пришло много пароходов из Киева, было много экскурсий. А потом кто-то как закричит. Что такое? Война. То все побежал под гору к пароходам, ведь дома остались семьи. И в музее стало пусто. Тогда и мы заревели...» [9, с. 1].

В «Книге записей отзывов и предложений» за период с 22 июня до 25 июля 1941 г. сохранилось 27 записей посетителей (на украинском и русском языках), в которых они дают свою оценку началу войны. 22 июня экскурсанта из Киева А.Т. Духота записал: «... выходя из музея, мы услышали страшную весть: германские самолёты бомбардировали наши города, Киев, Житомир... Мы всеми силами будем защищать свою родную землю. Врагу не пройти!!!» [15, с. 26]. На могиле Шевченко воины клянутся, что не дадут топтать гитлеровцам родной земли.

Бои на Каневском плацдарме шли очень ожесточённые. Ф. Гальдер, начальник генерального штаба вермахта записал в своём дневнике, что с 01 по 16 августа под Каневом было использовано такое количество боеприпасов, какое предвиделось всем планом «Барбаросса» [5, с. 7]. Враг оккупировал город 15 августа 1941 г.

Музей Шевченко работал как музей во время войны два года – с 1941-го по 1942-й. Фонды не были эвакуированы.

О том, как хозяйничали в оккупированном музее, гитлеровцы рассказал в своих воспоминаниях свидетель Иван Яковлевич Цэрэх, австриец по происхождению, хорошо владевший русским и немецким языками. Ещё с осени 1936 г. он работал цветоводом на музее Шевченко. Его воспоминания воспринимаются как хроника событий (перевод на русский язык. – С.Б.): «Впервые увидел я немцев возле Чернечей горы 21 августа 1941 г. ...поднимаются по ступенькам на гору немцы, топают сапогами, громко смеются... Впереди всех важно идёт высокий худой немец в пенсне. Я потом узнал, это был корсунский гебитскомиссар Лорманн со своей граб-

комиссией. Ходят вокруг могильной плиты, в вазы для цветов тыкают свои сигареты-вонючки... Потом пошли к музею... Выломали немцы дверь, зашли. А там так хорошо – чисто, светло, всё сияет. Начался обход. Лорманн поспешно ходил по залах, как хозяин, алчно осматривая из-под пенсне всё богатство музея. И то, что ему понравилось, тянули в кучу. Большие картины... всего одиннадцать картин – сорвали со стен. Отобрал Лорманн также одиннадцать резных кресел, радиоприёмник, арифмометр и много иных предметов. Всё награбленное немцы снесли вниз, погрузили на машины и отъехали... Через несколько дней второй негодяй приехал на Чернечью гору – каневский комендант Кребель. Пробыл в музее он недолго и вывез в своей машине фарфоровые сервизы, вазы, ковры, гардины. А потом стаями и поодиночке появлялись в музее немецкие солдаты, набивали сумки и вещевые мешки ценными предметами, пьянствовали, бесчинствовали. Лорманн приезжал из Корсуня раз двадцать, и после каждого его приезда опустошались залы музея и нагруженные до верха машины вывозили ценные картины и дорогую мебель» [16, с. 403–404].

Директором музея в оккупацию работал каневский житель Д.В. Лебедко (1901–1948) (впоследствии, 6 июня 1944 г., был арестован органами НКВД, осуждён на 15 лет лишения свободы с конфискацией имущества, наказание отбывал в Норильске, где и умер в 1948 г.). В штате музея были экскурсоводы (известны имена двоих – Лаврентия Чумаченко и Виктора Бойко) и технический персонал из жителей ближайших к Чернечьей горы улиц (10 человек). Работники заповедника содержали могилу Шевченко, музей и территорию в чистоте и порядке, как и до войны. Содержательные воспоминания об этом оставила цветовод А.С. Мазуркевич [6, с. 11].

В сентябре 1943 г., когда линия фронта подошла к Днепру, на Чернечьей горе появились эсэсовцы. Они расселились в соседних домах, предварительно выгнав всё население подальше от Днепра. Гитлеровцы превратили музей Шевченко в трудовой лагерь, который тут функционировал с сентября 1943 г. по январь 1944 г.

После проведения облав в Каневе и сёлах района, нацисты и полицаи привозили на телегах и сгоняли в музей, главным образом, детей 13–14 лет, юношей и девушек 15–17 лет. Были тут и люди старшего возраста – военнопленные, матери, которые шли сюда вместо своих детей. Ночью, во время ведения боёв, под свист пуль, они строили оборонительные сооружения (копы, траншеи, блиндажи, бункеры) на линии фронта вдоль правого берега Днепра. Были случаи тяжелых ранений детей, которые заканчивались смертью. Работали в любую погоду. На работу гнали небольшими группами по 12–15 человек в сопровождении конвоиров и собак. Существовала норма: за ночь один человек должен был выкопать окоп длиной в пять метров. За невыполнение нормы или неудовлетворительное выполнение работы, по мнению надзирателя, заключенные подвергались моральным и физическим издевательствам: их били нагайками из прово-

локи, резиновыми плётками. После того, как начались побег, гитлеровцы усилили суровость режима: оградил здание музея колючей проволокой в два ряда, в середине бегали овчарки, снаружи ходила охрана с автоматами. В залах музея была устроена конюшня и военная кухня. Среди охранников музея были не только немцы, а и представители иных национальностей: румыны, поляки, «югославы», чехи.

Кормили заключенных один раз в сутки, плохо, так, чтобы не умерли, а именно: картофелем, сваренным в кожуре, гнилой капустой, гороховым супом с букашками, похлёбкой в которой попадались мыши, крысы, лягушки; хлеб давали только 1–2 раза в неделю маленькими кусочками. Еду готовили немцы. Заключенные носили воду из Меланчиного потока. Многие этим пользовались для того, чтобы убежать. Но если их ловили, то били и закрывали в комнату без окон.

Культура – это внешнее проявление характера человека. Когда заключенные начали прибывать в музей, то он уже был опустошен оккупантами: экспозиция разрушена и разграблена, скульптура разбита, везде валялись книги и мусор. «Больно было смотреть, когда немец-повар разжигал печь котла кухни прекрасными, неповторимыми картинами... когда немцы использовали катрины и скульптуры, как мишени» [14, с. 263] (перевод на русский язык. – С.Б.), – вспоминал бывший заключённый Н.А. Билопол. Цветовод Цэрэх (по прозвищу дед Фуфайка) свидетельствовал: «Денщики растягивали по офицерских блиндажах ковры, вытканые руками искуснейших украинских мастеров, полотнами ценных картин зашивали окна домов, покрывали спины лошадей. А книгами разжигали печи» [16, с. 403–404]. Бывшая заключенная Мария Слинько рассказывала (перевод на русский язык. – С.Б.): «Каторжной была работа на строительстве укреплений, но ещё страшнее были ночи в лагере. Пьяные крики, стрельба, разбой не утихали в музее до самого утра. Особенно свирепствовал комендант лагеря Фукс. Бил палкой, стрелял без разбора...» [4, с. 13].

Ольга Стокиз, бывший экскурсовод музея, которая в начале октября 1943 г. несколько часов провела в трудовом лагере, была поражена увиденным: «Вся территория... возле музея была устлана экспонатами, книгами, рваными полотнищами со следами масляной краски на них, газетами, бумагой. Всё было порвано, грязное, стоптано подковами грязных сапог и лошадей... Под стенами [в библиотеке. – С.Б.] сидели и лежали молодые женщины, очень замученные, утомлённые...» [10, с. 1–2], «...я была там, где библиотека... за барьерчиком..., берлога не берлога и вши по барьерчику лазили» [11, с. 1].

Пять недель была осенью 1943 г. на подневольных работах в лагере Харита Груша. Больше всего ей запомнилось, что «вшей было много» [7, с. 5].

В 1992 г. научные сотрудники Шевченковского национального заповедника осуществили поисковую экспедицию в Каневе и районе и установили, что в трудовом лагере содержалось до 200 человек. Многие из них не вернулись из заключения или умерли после войны. Удалось установить

имена 120 человек и записать воспоминания, тех из них, которые выжил благодаря побегам. Сбежавшие молодые люди вернулись домой морально раздавленные, с подорванным здоровьем и клеймом пленного, что ограничивало их гражданские права. Те из них, кому удалось бежать, пережили внутреннее возрождение, которое происходит внутри нас каждое мгновение, оживает внутри со всей яркостью и непреложностью. Те, кого поймали – столкнулись со смертью как с реальной силой: нацисты их расстреливали во время облав.

В 2003 г. решением правления Федерального фонда «Память, ответственность и будущее» (Киев) в перечень мест заключения был добавлен Трудовой лагерь в мемориале поэта Шевченко в Каневе, Киевская область (сентябрь 1943 г. – январь 1944 г.). За этим решением около тридцати бывших заключённых лагеря получили статус жертв войны и право на соответствующие льготы и компенсацию от правительства Германии.

В 2008 г. была издана книга «За колючим дротом» («За колючей проволокой»), в которой представлены воспоминания бывших заключенных трудового лагеря. Эти воспоминания, не только бесценный источник исторической информации, но и душа каждого отдельного человека, с её ощущением, пониманием, оценкой происшедшего. Читая их, чувствуешь, как каждый момент жизни юных пленных в трудовом лагере был наполнен страданиями, а ежесекундный самоконтроль многим спасал жизнь. Каждый из этих молодых юношей и девушек воспринял в своём сознании фактор ареста и нахождения в трудовом лагере крайне тревожно, пессимистично и с невротическим страхом.

206-я стрелечная дивизия освободила Канев 31 января 1944 г. А уже 28 февраля 1944 года был составлен Акт государственной комиссии, в котором на 10 страницах изложен перечень совершенного нацистами на Чернечей горе: «...осталось в музее после хозяйствования взбесившихся псов Гитлера 10 экспонатов; остальные экспонаты (более 2 тысяч) были вывезены, уничтожены или повреждены... Многие картины использовались фашистами для портянок и подстилок в блиндажах и казармах... Уничтожено 9 вспомогательных домов, отель со всем имуществом и двумя сараями, повреждены ступени на Чернечью гору. Уничтожено 800 деревьев на территории заповедника. Всего разграблено и уничтожено немецко-фашистскими оккупантами имущества и экспонатов на сумму 2913677 руб.» [3, с. 1].

Благодаря нюху собаки-бойца Джульбарса, сапёры штурмовой инженерно-сапёрной 14 бригады разминировали могилу Тараса Шевченка. За время войны этот пёс обнаружил более 7 тысяч снарядов. Стал почётным участником парада Победы. Из-за полученных ранений пёс не мог самостоятельно шефствовать. Собаку-героя с перебинтованными лапами пронесли по Красной площади в шинели верховного главнокомандующего [13].

Об освобождении Тарасовой горы писали воевавшие писатели, военные корреспонденты: Борис Полевой, Дмитрий Косарик, Сергей Смирнов, Андрей Малышко [1, с. 236–237]. О возложении венка из хвои на могилу

Шевченко рассказал в своей статье «Партизанский венок» в журнале «Памятники Украины» А. Радченко, бывший боец партизанского отряда «Батя» [12, с. 46–47].

Военный фотокорреспондент Яков Давидзон вспоминал, как он прилетал на самолёте У-2 из Киева в Канев в один из зимних дней 1944 г., когда ещё шли бои под Тарасовой горой, по специальному заданию для того чтобы «сделать съёмку на Чернечьей горе, чтобы засвидетельствовать злодеяния гитлеровских варваров»: «...Трудно представить картину, которую я увидел. Скульптуры все до одной были перебиты. Книги, картины искромсаны и разбросаны, везде царил хаос. Всё это я запечатлел на плёнку. Стрельба не утихала. Самолёт взял курс на Киев. Домой мы прилетели, когда стемнело. В этот же вечер проявил плёнку. На завтра газета «Радянська Україна» опубликовала целую полосу материалов и фотографий обвиняющих гитлеровцев в ещё одном акте вандализма» [2, с. 46–48].

В фондах Шевченковского национального заповедника хранится 16 фото, которые свидетельствуют о состоянии музея и могилы Шевченко после освобождения от гитлеровцев. Но, к сожалению, нет, ни одного документального фильма на эту тему. Поэтому автор статьи благодарит Сергея Бовкуна, журналиста из Житомира за содействие в получении в 2019 г. из фондов Государственного кинофотофоно архива Украины имени Г.С. Пшеничного документального фильма «1944 рік» (Арх № 2187), а так же за создание к нему титров и за озвучивание (наложена песня «Ревёт и стонет Днепр широкий» в исполнении Академического ансамбля песни и пляски имени А.В. Александрова). Фильм «1944 рік» смонтирован на Центральной студии документальных фильмов в марте 1944 г. Оператор фильма Н. Быков. Съёмка была произведена в феврале 1944 г. во время полёта самолёта над Каневом, а также на Тарасовой горе и в музее Шевченко. Кадры кинохроники подтверждают рассказы свидетелей о тех бесчинства, которые сотворили гитлеровцы на этом святом, для многих посетителей, месте. Следовательно, бесценный сюжет кинохроники возвращён из небытия и может быть задействован в экспозиционной и других формах музейной и научно-просветительской работы.

Таким образом, изложенное в этой статье ещё раз даёт основание осудить власть нацистской Германии как преступную, античеловеческую, антиукраинскую, антигуманитарную и антигуманную. Гитлеровцы могли бы и не превращать это место памяти в трудовой лагерь, но тогда бы они не были бы нацистами, какими запомнила их история.

Из свидетельств заключенных трудового лагеря следует, что каждый из них остро чувствовал реальность вещей, реальность отношений, в которые он попал вопреки желанию, каждой клеточкой своего существования. Все боялись неизвестности и отрицательных переживаний. Все боялись смерти. Молодым людям сложно было спокойно смотреть в направлении неизбежной смерти и одновременно повышать скорость своего устремле-

ния к побегу. Наука победы над смертью заключается так же в способности человека встретить свою смерть достойно. Но это очень сложно для человека молодых лет. Процесс разрушения, непрерывно происходящий в человеческом организме, психике и всей жизни, имел у них свой источник и своего хозяина. И это не стёрлось из их памяти. Надеюсь, что эти воспоминания и всё вышеизложенное в статье помогут сохранить и донести грядущим поколениям объективное ощущение отечественной истории.

1. Буренко, І.Н. Канів у ІІ Світовій війні / І.Н. Буренко, В.В. Лепський. – Черкаси : вид. Андрощук П.С., 2019. – 436 с.
2. Давидзон, Я.Б. Незабываемое: Фотокнига [Текст] / Сост., макет и худож. оформил И. Семенюка / Я.Б. Давидзон. – К. : Мистецтво, 1982. – 111 с.
3. Акт Державної комісії від 28 лютого 1944 // Державний архів Київської області. – Ф. Радянський 4322. Оп. 1. Д. 1. Л. 810.
4. За колючим дротом : музей Тараса Шевченка в Каневі в роки німецько-фашистської окупації / упоряд. Р.В. Танана, О.В. Білокінь. – Черкаси : Вид. ПП Кандич С.Г., 2008. – 104 с.
5. Мельниченко, В. Книга правди і пам'яті / В. Мельниченко // Не підлягає забуттю : нацистський окупаційний режим на Черкащині (1941–1944) : збірник наукових статей, документів, матеріалів та спогадів / О.А. Воронкіна; упоряд. В.М. Мельниченко, Т.А. Клименко, Г.М. Голиш. – Черкаси : Вертикаль, 2013. – 366 с.
6. Спогади Ганни Степанівни Мазуркевич про Тарасову гору років війни 1941–45 рр. (розшифровка магнітного запису від 23 бер. 1991 р.) // Науковий архів Шевченківського національного заповідника. – Ф. 29. Оп. 1. Спр. 25. – 14 арк.
7. Спогади Груши Харитини Яківни про перебування в музеї восени 1943 р. // Науковий архів Шевченківського національного заповідника. – Ф. 29. Оп. 1. Спр. 28. – 7 арк.
8. Спогади директора музею Коваленка В. О. 1936–1941 рр. (Зібрані в 1969 році) // Науковий архів Шевченківського національного заповідника. – Ф. 29. Оп. 1. Спр. 7. – 104 арк.
9. Із спогадів Євдокії Стецюк про музей і Канів довоєнних років // Науковий архів Шевченківського національного заповідника. – Ф. 29. Оп. 1. Спр. 30. – 2 арк.
10. Спогади колишнього екскурсовода музею Т.Г. Шевченка О.Т. Стокіз (жовтень 1943 р. та 1944, 1945 рр.) // Науковий архів Шевченківського національного заповідника. – Ф. 29. Оп. 1. Спр. 24. – 5 арк.
11. Спогади Стокіз Ольги Тимофіївни про музей та Канів довоєнних і повоєнних років // Науковий архів Шевченківського національного заповідника. – Ф. 29. Оп. 1. Спр. 31. – 12 арк.
12. Радченко, О. Партизанський вінок / О. Радченко // Пам'ятники України. – 1972. – № 2. – С. 44–47.
13. Слова на песке [Електронний ресурс] // Вещдок. Особый случай. По ту сторону фронта. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=UxpVDG8gEIg>. – Дата доступа: 19.03.2020.
14. Танана, Р.В. Музей Кобзаря у Каневі в роки фашистської окупації / Р.В. Танана // Черкащина в контексті історії України : матеріали Другої науково-краєзнавчої конференції Черкащини, присвяченої 60-річчю Перемоги у Великій Вітчизняній війні 1941–1945 рр. – Черкаси : «Ваш дім», видавець ПП Дикий О.О., 2005. – С. 258–264.

15. Фонди Шевченківського національного заповідника. – Книга запису вражень та пропозицій. Державний заповідник «Могила Т.Г. Шевченка». Канів–1941 рік. – 40 с. (20 арк.) – КН -21810/А-188.
16. Церех, І.Я. Я свідчу / І.Я. Церех // Тарас Шевченко: документи і матеріали. 1814–1963 / под ред. С.Д. Пількевич. – К. : Державне видавництво політичної літератури УРСР, 1963. – С. 403–404.

Давидовская О.Н.
**«ВИТЕБСКАЯ ОБЛАСТЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ» (О ПЕРВОЙ ПОСЛЕВОЕННОЙ ВЫСТАВКЕ
ВИТЕБСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ)**

Витебский областной краеведческий музей (ВОКМ) – один из старейших и богатейших в Беларуси. Он был основан в 1918 г. на основе частной коллекции А.Р. Бродовского, насчитывающей около 10 тысяч предметов. На сегодняшний день в фондах музея – более 220 тысяч музейных предметов. Пополнение музейного собрания осуществлялось на протяжении всего периода существования учреждения, за исключением периода немецко-фашистской оккупации 1941–1944 гг. В эти годы музею пришлось пережить тяжелые испытания.

За несколько дней до захвата Витебска немцами, 7 июля 1941 г., большая часть музейных предметов была погружена в товарный вагон и вместе с фондами художественной галереи Ю.М. Пэна отправлена в эвакуацию в Саратов. Часть фондового собрания осталась в оккупированном городе. В здании музея (бывшей городской ратуше) новые власти разместили радиоузел, казарму солдат-связистов, в нижнем этаже – кинозал для немцев. По свидетельству очевидцев, часть музейных экспонатов, оставшихся в здании, была выброшена на улицу, где их подбирали местные жители. Остатки музейных фондов были перенесены в помещения библиотеки (она находилась в пристройке к ратуше со стороны ул. Суворова). Наиболее ценные предметы в конце 1942 – начале 1943 гг. немцы вывезли в Ригу. То, что не было вывезено, предположительно было перемещено в здание телеграфа по ул. Толстого, где их и обнаружили музейные работники после освобождения.

26 июня 1944 г. Витебск был освобожден от немецко-фашистских захватчиков. В числе первых восстановивших работу учреждений был Витебский исторический музей (так в то время именовался ВОКМ) – первый приказ, возвещающий о начале его работы, подписан 3 июля 1944 г. исполняющим обязанности директора Н.В. Кочетовым [4].

Перед сотрудниками стояли следующие задачи: реэвакуация музейных предметов из Саратова; возврат предметов, вывезенных в Ригу; учет и систематизация предметов, находившихся в годы оккупации в Витебске; подготовка музея к открытию и сбор материала для первой послевоенной